

Гарри вздохнул, поставил пустой стакан на стол и деликатно налил себе еще сливочного пива. Нора начала пустеть, так как большинство гостей, вернувшихся после похорон Фреда, постепенно разошлись в течение дня. Теперь все, кто остался, были теми, кому, как он решил, нужно было узнать всю историю своей победы над Волдемортом. Это был трудный день, и он не собирался рассказывать свою историю.

Похороны были чем-то вроде испытания. Явка была впечатляющей, и это было данью уважения тому, каким человеком был Фред Уизли, потому что так много его современников решили попрощаться с ним в последний раз. Хотя это было нелегко; Молли и Артур по понятным причинам были обезумели, а остальные Уизли пролили много слез, когда гроб опустили на место последнего упокоения. Когда оно наконец исчезло из поля зрения, он бросил взгляд на Джорджа, который, казалось, был вне горя, таково было его горе. У Гарри не было братьев и сестер, и он никак не мог понять эту утрату, но его поразило, что есть что-то особенно трогательное в том, что близнец должен хоронить своего брата. Джордж наконец сломался и дал волю слезам, а агония оставшегося близнеца была тем, что Гарри знал, что никогда не забудет.

Похороны не обошлись без происшествий. Слухи о его возвращении распространились, и в результате Рита Скитер ждала, как стервятник, чтобы наброситься на любые обрывки новостей. Ее насильно увезли Билл и Чарли, и с немалой долей удовлетворения они недвусмысленно велели ей убираться. Он подозревал, что возмездие за такое пренебрежение не за горами, но прямо сейчас ему было наплевать на чертову Риту Скитер или кого-то еще в ее роде. Он считал, что лишь немногие заслуживают знать всю историю. Он доверял Кингсли раскрывать то, что было важно, и осторожно утаивать то, о чем никому больше не нужно было знать.

— Ты готов, Гарри?

Он поймал себя на том, что улыбается, несмотря на нервы. В голосе Гермионы было очевидно беспокойство, и он повернулся к ней лицом.

«Полагаю, я готов как никогда. Давай покончим с этим.»

Она кивнула и, взяв его за руку, повела в знакомую гостиную. По крайней мере, в такой обстановке он чувствовал себя комфортно; Нора приносила ему столько помощи и облегчения на протяжении многих лет, что он был рад, что выбрал ее в качестве места для своего «признания». Он чувствовал на себе взгляды всех присутствующих, когда сел на свое место. Присутствовали все Уизли, включая Флер. Кингсли, Хагрид и Минерва тоже присутствовали, и он был этому рад. Все они внесли огромный вклад в окончательную победу, и он считал, что они заслужили полную историю. Он почувствовал глубокую тишину, поэтому глубоко вздохнул и начал говорить.

Он говорил больше часа без перерыва. Он рассказал им о Хоркруксах и Дарах. О сделке, заключенной между Альбусом и Северусом, и о способе смерти последнего. Он говорил о жертве своей матери и о двойной связи, возникшей между ним и Волдемортом. Он ничего не упустил; испытания в палатке, когда они были в бегах; события в Годриковой Впадине; пытки

Гермионы в поместье Малфоев и героическое вмешательство Добби; он говорил о том, что Драко был хозяином Бузинной палочки, и о своем внезапном присвоении оружия. Наконец, он рассказал им о своей смерти; о том, что Дамблдор предлагает выбор вернуться, и о двуличности Нарциссы Малфой, и о том, как он нуждался в том, чтобы она солгала ради него. Когда он дошел до конца своего рассказа, он сознавал только тишину;

«Вы знали?» Минерва, наконец, смогла спросить.

«Знаешь что?» он ответил.

— Ты знал, что проклятие Волдеморта не сработает?

— Нет, — просто ответил он.

Это открытие было встречено молчанием.

«Но почему, Гарри?» — внезапно спросила Джинни. «Конечно, был другой путь? Ты даже не попрощался!»

При этих словах он намеренно избегал смотреть в сторону Гермионы. Вместо этого он повернулся к своей бывшей девушке.

— У меня не было выбора, Джинни. Его нужно было уничтожить, и это был единственный выход. Что значит еще одна смерть, если это означает избавление от него навсегда? Он резко поднял голову, когда Артур подошел к нему, и внезапно почувствовал себя одиноким и по какой-то причине напуганным, но испытал облегчение, когда старший просто наполнил свой стакан. Он благодарно кивнул ему и сделал осторожный глоток.

— Послушайте, — продолжал он, — я вам все сказал. У меня нет желания оправдывать свои действия перед кем-либо. Мне достаточно трудно оправдать их перед собой. Так что буду благодарен, если больше вопросов не будет. Вместо этого у меня есть один или два своих, — добавил он, повернувшись к Кингсли. «Что вы собираетесь делать с этой информацией?»

Кингсли на мгновение выглядел ошеломленным. — Я еще не знаю, Гарри, — наконец ответил он. «Мне нужно время, чтобы переварить все это». Он вдруг улыбнулся. «Я открыт для предложений. Я новичок в этой игре, — напомнил он присутствующим.

Несмотря на серьезность ситуации, Гарри тоже улыбнулся. — Если позволите, министр? — спросил он, подчеркнув название. Кингсли кивнул, все еще улыбаясь. «Я хотел бы, чтобы роль Северуса Снейпа стала известна миру. Он умер героем, и я даже представить себе не могу, насколько сложной была его задача. Люди должны знать.

«Согласен, Гарри. Он заслуживает не меньшего.

«Хорошо. Я также был бы признателен, если бы вы могли скрыть сообщения о моей смерти и связь с Волдемортом. У меня достаточно проблем с тем, чтобы быть «избранным», но не быть «мальчиком, который жил дважды». Он увидел, как Кингсли кивнул в знак согласия, и помедлил мгновение, прежде чем продолжить. — Я также хочу полного прощения за Малфоев.

‘Что?’

Гарри закрыл глаза. Он ожидал вспышки гнева и смиренно повернулся к своему другу.

«Рон, если бы Нарцисса не солгала, я действительно был бы мертв. Волдеморту прикончил бы меня тут же.

«Она солгала только для того, чтобы спасти шкуру своего бесполезного сына. Вы забыли, что они сделали? Гермиону пытали в их доме! — сердито воскликнул он. «Они не делали ничего, кроме ужасных вещей за эти годы. Ты действительно думаешь, что одна ложь компенсирует это? Ты?’

‘Да, я делаю на самом деле. Я знаю о том, что произошло в Малфой Мэнор; как я мог забыть?’ — тихо спросил он и подавил дрожь, вспомнив крики Гермионы. «И я знаю, что она солгала только для того, чтобы спасти Драко. Но можете ли вы придумать лучшую причину, чтобы наконец бросить вызов Волдеморту? Ее мотивы не имеют значения; по крайней мере не мне. Что действительно важно, так это выбор, который человек делает, какой бы ни была причина его сделать. Она решила помочь мне, когда это действительно имело значение. Дамблдор всегда так считал, и я думаю, что он дал бы им еще один шанс. Кроме того, я считаю, что у Кингсли будет достаточно проблем, чтобы восстановить наш мир, не наживая еще больше врагов. Я прав?’ — спросил он, обращаясь к министру.

Кингсли задумчиво посмотрел на него. ‘Да; ты прав. Возможно, мы победили, но многое еще предстоит сделать. Не все будут рады кончине Волдеморта. Боюсь, сначала мне придется действовать очень осторожно.

— Так что ты предлагаешь? — спросил Артур. «Вы планируете массовые реформы?»

Кингсли поджал губы. ‘В конце концов, Артур. Но сначала я должен укрепить свои позиции. Он вздохнул. «Честно говоря, я никогда не стремился и не ожидал, что когда-либо достигну такого положения. Я был счастлив как аврор.

«Так почему же вы согласились на эту работу?» — спросила Гермиона.

Кингсли долго смотрел на нее. ‘Потому что больше никого не было. Как минимум; никому я бы не доверял. Я считаю, что у нас есть прекрасная возможность внести изменения в наше общество, которые будут полезны для всех. Я верю, что у нас наконец есть шанс избавиться от некоторых из самых старых предрассудков в нашем мире и построить общество, достойное

нашей победы. Альбус всегда мечтал о более справедливой системе и всю свою жизнь работал над ее достижением. Я думаю, что смогу осуществить его мечту, но сначала мне нужно восстановиться».

Гарри прочистил горло. Он увидел лазейку и решил ею воспользоваться. `Какие изменения? Вы имеете в виду улучшенные права для нечеловеческих существ? Что-то в этом роде?' Он говорил так небрежно, как только мог, как будто обсуждал погоду. `Это то, о чем вы говорите? Улучшены права для домовых эльфов, великанов, оборотней и так далее? он демонстративно не смотрел на Гермиону, когда спрашивал об этом.

Кингсли улыбнулся. — Именно об этом я и говорю, Гарри. Как только я закреплю свою позицию, первое, что я сделаю, это займусь проблемой жестокого обращения с домашними эльфами. Они заслужили это после того, как сражались за нас против Волдеморта. Я пошлю послов и к великанам, хотя подозреваю, что они вполне удовольствуются тем, что останутся в одиночестве. Не помешает установить с ними дипломатические отношения.

— А оборотни? — спросил Рон, и Гарри был впечатлен тем, как непринужденно он звучал.

Лицо Кингсли помрачнело. «Боюсь, что в этом отношении мы столкнемся с некоторой оппозицией, — начал он. «Этот конкретный вопрос займет много времени, чтобы разобраться». Он повернулся к Биллу. `Я сожалею об этом; Я действительно. Если бы это полностью зависело от меня, я бы занялся этим вопросом немедленно, но я думаю, что сопротивление реформе оборотней будет слишком сильным, чтобы вынести его в настоящее время. Общественность не примет никаких попыток дать оборотням равный статус.

«Но это нечестно!» — воскликнул Гарри. «Они заслуживают лучшего обращения!» Он понял, что злится, и попытался сдержать себя. `Что насчёт Ремуса? А Билл? Они сражались с Волдемортом до конца.

— Я знаю, что это несправедливо, Гарри. И я точно знаю, какой вклад внесли Ремус и Билл. Но мне нужно сплотить наше общество, и на это потребуется время. Моя позиция на данный момент построена на песке. Я временный министр. Если я даже попытаюсь реформировать закон об оборотнях, я уйду со своего поста еще до того, как начну. Он поднял руку, когда Гарри попытался прервать его. «Я понимаю твое разочарование, Гарри; Я действительно. Но вы должны помнить, что пока Ремус и Билл сражались против Волдеморта, за него сражалось больше оборотней. Сивый привел в недавнюю битву большое количество солдат, и многие из них сбежали — мы до сих пор не нашли самого Сивого. Общественность — не говоря уже о Визенгамоте — даже не подумает об исправлении оборотней, пока мы не разберемся с теми, кто сражался на стороне Волдеморта.

«Но они сражались за него только потому, что он обещал им равенство! Они веками подвергались дискриминации со стороны нашего вида. Можешь ли ты винить их?

— Я прекрасно об этом знаю, Гарри. Я не виню их, но другие будут. Ты сам это сказал. Мотивы не имеют значения. Что действительно важно, так это выбор, который человек делает. Они

решили поддержать Волдеморта.

Гарри открыл рот, чтобы ответить, но обнаружил, что у него нет слов, чтобы выразить свои мысли. Он был проклят собственными словами. — Это несправедливо по отношению к ним, Кингсли. Это не тоже самое.' Это звучало глупо; даже ему.

«Гарри, мы оба знаем, что это одно и то же». Он поднял руки, словно пытаясь успокоить врага. — Нет нужды напоминать тебе, что я на твоей стороне, Гарри. Я согласен с вами полностью. Но мы в меньшинстве; решение этого вопроса займет много времени. Как вы говорите, с вековыми предрассудками нужно бороться. Мне нужно пройти, прежде чем я смогу бежать. Моим приоритетом должно быть восстановление нашего общества. Мне придется работать с людьми, с которыми я бы не хотел иметь дело. Искоренение плохих яиц потребует времени, поэтому я не смогу заняться таким спорным вопросом, пока не укреплюсь. Если я устроюсь.

Гарри почувствовал, что разочарование грозит захлестнуть его. Он хотел дать Гермионе некоторую надежду, что она не столкнется с такой же враждебностью, как Ремус, если она будет полностью проклята. Вместо этого Кингсли лишь подтвердил ее самые глубокие опасения. Пройдут годы - если вообще когда-нибудь - прежде чем оборотни будут приняты как часть основного общества. Он повернулся к Гермионе с извиняющимся взглядом.

Она посмотрела прямо на него, и их взгляды встретились. Не говоря ни слова, ей удалось сообщить Гарри, что она благодарна за его усилия и что извинения не нужны. Он чувствовал ее страдание; почти почувствовала ее страх, когда последствия оценки Кингсли, наконец, достигли ее цели. Он мягко кивнул ей, посылая сообщение.

Я буду рядом с тобой, Гермиона. Всю дорогу - во что бы то ни стало.

Она задержала его взгляд еще на несколько мгновений, прежде чем кивнуть в ответ.

Я знаю, Гарри. Спасибо.

Гермиона осталась в кресле, наблюдая, как остальные выходят из комнаты. Настроение, которое и без того было мрачным из-за похорон Фреда, теперь было очень созерцательным, поскольку каждый обдумывал то, что рассказал Гарри, и изо всех сил пытался переварить все, что он сделал, чтобы наконец победить Волдеморта. Она подозревала, что есть еще много вопросов, требующих ответов, но она также знала, что все присутствующие понимали, что Гарри больше не будет делать никаких откровений. Он сказал все, что собирался сказать, и она знала, что он не сдвинется с места в этом вопросе.

Комментарии Кингсли также дали всем пищу для размышлений. Любой, кто ошибочно полагал, что теперь, когда Волдеморту ушел, все будет в розовом цвете, серьезно оценивал то, что сказал министр. Было ясно, что Кингсли столкнулся с большим сопротивлением своему назначению и что перед ним стояла монументальная задача, поскольку он стремился связать воедино различные нити волшебного мира. Она всегда знала, что у него не будет карт-бланша

на действия, но она подозревала, что это стало неприятным сюрпризом для некоторых других.

Не в последнюю очередь для Гарри.

Она улыбнулась, вспомнив его не слишком тонкие попытки обсудить права оборотней. Только она, Гарри, Рон, Билл и Минерва знали, почему он задал этот вопрос, и она была благодарна ему за его усилия. Она была благодарна и Рону за нехарактерное для нее проявление такта и приличия. Казалось, что ее «два мальчика» делали для нее все, что могли, и, хотя она ценила этот факт, она понимала, что каждый из них не так уж и много может сделать. Десятый день месяца окончательно решит ее судьбу.

Именно по этой причине она осталась на своем месте. Она подождала, пока предпоследний человек не подойдет к двери, прежде чем окликнуть старшего сына Уизли.

«Билл? Вы не возражаете, если мы перекинемся парой слов?»

Билл Уизли улыбнулся этому вопросу, и Гермионе было ясно, что он этого ждал. Она не считала себя такой откровенной, но, очевидно, Билл заметил ее затруднительное положение.

— Нет проблем, Гермиона, — наконец ответил он, тихо закрывая дверь. «Что я могу сделать для вас?»

Теперь, когда он остался один, она не знала, с чего начать. Ей понадобилось несколько минут, чтобы собраться с мыслями.

«Я не знаю, как это выразить, — начала она. «Но в последнее время я чувствую себя немного... напряженным. Как вы думаете, это нормально?»

Билл ответил не сразу. Вместо этого он налил себе стакан огневиски, обдумывая, как ответить. Она покачала головой в ответ на его молчаливое предложение выпить и смотрела, как он с глубоким вздохом сел в кресло напротив.

— У тебя есть полное право быть напряженной, Гермиона. Вы через многое прошли на этой неделе.

Она кратко обдумала его заявление. — Дело не только в этом, — медленно начала она. «Если бы это было именно так, я бы не волновался. Видите ли, я чувствую себя... раздраженным? Вспыльчивый? Это трудно объяснить, но за последние несколько дней меня уколола самая маленькая мелочь. Мне было интересно, не потому ли это...

«...потому что приближается полнолуние», — ровно закончил Билл. «Это возможно, Гермиона. Верно; это вероятно. Он вдруг улыбнулся, и это осветило его лицо. «Меня тоже немного раздражает, когда приближается полнолуние. Флер называет это моим PLT.

Гермионе потребовалось несколько секунд, чтобы понять это. Она улыбнулась, как только поняла.

`PLT? Вы имеете в виду «предлунное напряжение»?

Билл мягко рассмеялся. «Да, она так это называет. Я говорю ей, что это справедливо, потому что она тоже немного капризничает три дня в месяц. К счастью, мы не синхронизированы; Мерлин поможет нам, если мы оба «включены» одновременно. Она и в лучшие времена может быть достаточно темпераментной...

Невольно Гермиона рассмеялась абсурдности ситуации. «Значит, это нормально — немного... нервничать по мере приближения полной луны?»

Билл кивнул. `Совершенно нормально. Ремус тоже страдал от этого. Мы обсуждали это, когда меня впервые укусили. Он посмотрел ей прямо в глаза и ободряюще улыбнулся. `PLT ничем не хуже для тех, кто полностью проклят, если это то, что вам интересно. Я чувствовал себя точно так же, как Ремус большую часть месяца, и подвергался тем же стрессам, что и он. Наши различия стали очевидны только в полнолуние. Он потеряет всякий контроль, а я по-прежнему буду управлять своими способностями. Так что не закидывайтесь на этом; тот факт, что вы чувствуете себя немного... странно, ни здесь, ни там. Это не говорит нам, полностью ли вы прокляты или нет. Так что не теряйте надежды.

Гермиона улыбнулась этим словам и почувствовала, как напряжение немного уменьшилось. Она знала, что все еще может быть полностью проклята, но слова утешения Билла убедили ее не бояться худшего. По крайней мере, пока. Она решила исследовать дальше.

`Так вы можете сказать мне, на что это похоже?' — осторожно спросила она. «На самом деле не оборотень. Я больше думал о предрассудках, с которыми вы сталкиваетесь.

Билл, казалось, воспользовался моментом, чтобы обдумать вопрос. «Думаю, мне просто повезло», — наконец ответил он. «У меня есть женщина, которая любит меня за то, что я есть, и не заботится о моем состоянии; У меня есть семья, которой тоже плевать, и я работаю на гоблинов, которым все равно, пока я продолжаю приносить им деньги. На самом деле это не слишком сильно повлияло на меня. Я столкнулся с некоторой враждебностью со стороны некоторых людей, но не с теми, о ком стоило бы беспокоиться». Он поднял голову и увидел облегчение на лице Гермионы. Он решил, что ему придется разбить ей сердце, и бросился дальше. «Однако ты должен кое-что понять; Я исключение из правил. Большинству оборотней приходится иметь дело с ужасающей дискриминацией. Ремус не мог получить работу ни из-за любви, ни из-за денег, и когда он, наконец, нашел ее, он был вынужден уйти, как только открылась правда о его состоянии. Независимо от того, полностью вы прокляты или нет, вы столкнетесь с большой враждебностью, что бы вы ни решили делать со своей жизнью. Если слово выйдет, то есть. Какие у тебя планы?

«Понятия не имею», — ответила она. `Я действительно не думал об этом. У нас было так много дел. Она пожала плечами. «Я думал, что, может быть, занимаюсь исследованиями; или

политика? Может быть, даже преподавать, — задумчиво добавила она. «Я действительно не знаю».

«Хорошо, позвольте мне дать вам несколько советов; держи это близко к груди. Вы, Гарри и Рон занимаете уникальное положение в нашем обществе за то, что вы сделали. Если кто-то и смог бы сохранить это в тайне, то, я думаю, вы трое смогли бы. Возможно, вам придется рассказать Кингсли, но вы можете доверять ему. Но держите это в секрете, насколько это возможно, независимо от того, насколько сильно проклятие. Даже Гарри не сможет спасти тебя от остракизма, если об этом станет известно. Предубеждения слишком глубоко укоренились. Я ненавижу говорить тебе об этом, но тебе нужно знать, с чем ты столкнешься».

Гермиона серьезно кивнула на его слова. У нее было представление о том, насколько все может быть плохо, но холодная оценка реальности Биллом свела на нет все попытки убедить большинство в том, что оборотням можно доверять.

«Спасибо, Билл,» наконец ответила она. «Я предпочитаю знать правду, чем утешаться ложью. Я все равно узнаю рано или поздно, и я бы предпочел, чтобы это было раньше. Предупрежден - значит вооружен.»

Билл понимающе кивнул. «Просто чтобы ты знал, моя дверь всегда открыта, если тебе нужен совет, даже если тебе просто нужно поговорить». Он вдруг улыбнулся. «Это было бы, даже если бы ты не встречался с моим братом».

Она покраснела при этом замечании, не понимая, что растущие отношения между ней и Роном были общеизвестны. Билл заметил ее реакцию и от души рассмеялся.

«Если ты собираешься гулять с моим братом, тебе понадобится вся возможная помощь», — добавил он с озорным блеском.

Какое-то время она смотрела на него, слегка потрясенная шуткой. Затем, несмотря на стресс — несмотря на нервозность и тревогу — она запрокинула голову и от души рассмеялась.

В конце концов, все может быть в порядке.

Гарри изо всех сил старался сосредоточиться на шахматной доске перед собой. Он протянул руку и нащупал свою бутылку, прежде чем поднести ее к губам и сделать глоток сливочного пива. Он был в беде; Рон, как обычно, полностью избил его, и Гарри не видел выхода из своего нынешнего затруднительного положения. Его шахматные фигуры нервно смотрели на него, и, наконец, они вздохнули с облегчением, когда он смирился с неизбежным и мягко опрокинул своего короля. Он посмотрел на Рона с улыбкой на лице.

«Хотите матч-реванш?»

Рон изо всех сил старался не выглядеть слишком самодовольным, но с треском провалился. Он взглянул через плечо Гарри и заметил то, что должен был увидеть раньше — что-то, что Гарри тоже должен был увидеть раньше.

«Нет; Думаю, я пока просто почиваю на лаврах. Я собираюсь посмотреть, смогу ли я найти Гермиону; Я все думал, куда она делась. Я вернусь через минуту, — добавил он, прежде чем быстро выйти из комнаты.

Гарри был озадачен; казалось, что Рон не может достаточно быстро уйти из своей компании. Что он задумал?

«Гарри? У тебя есть минутка?»

Он чуть не выпрыгнул из кожи от голоса, не понимая, что в комнате есть кто-то еще. Он повернулся к источнику, и до него вдруг дошло, почему Рон так поспешно ушел. Оказалось, что у его друга внезапно развилось чувство благоразумия.

«Привет, Джинни. Конечно, у меня есть минутка.

Он смотрел, как она кивнула в ответ на его слова и подошла к нему за кухонным столом. Он изо всех сил старался подавить легкую улыбку, когда понял, что Джинни, вероятно, манипулировала событиями, чтобы остаться с ним наедине. Хотя он не был слишком доволен этой перспективой, он знал, что им давно пора поговорить.

«Как ты?» — спросила она, и он понял, что она нервничает. «Ты чувствуешь себя лучше после... перерыва?»

Он вдруг почувствовал себя виноватым; осознание того, что он не подумал о ней, когда покидал Хогвартс после спора с Гермионой, всплыло в его голове.

«Я чувствую себя намного лучше, спасибо», — начал он. «Мне очень жаль, что я не разговаривал с вами перед отъездом. Я должен был сказать тебе, что я делал. По крайней мере, ты заслужил это.

— Ты мне ничего не должен, Гарри. Не после того, что ты сделал. Я... я просто хотел убедиться, что с тобой все в порядке.

Он улыбнулся. «Спасибо. Я в порядке.» Он остановился на мгновение, решая, как лучше поступить. Он почувствовал пот, образовавшийся на ладонях, и ему пришлось заставить себя не вытирать его о штаны. Это смешно! Я победил Волдеморта! Конечно, я могу поговорить с Джинни!

— Полагаю, это не все, о чем вы хотели со мной поговорить? — мягко спросил он. Он выдавил из себя улыбку, пытаясь успокоить ее.

Она покраснела и отвела взгляд. «Нет, не было». она ответила просто. «Я не хочу вас торопить или что-то в этом роде, но мне интересно... интересно, можем ли мы продолжить с того места, где мы остановились; если вы хотите продолжить с того места, где мы остановились».

Гарри обдумал ее слова. Год назад его ответ был бы очевиден и незамедлителен; он бы сказал «да», а затем втянул ее в поцелуй. Теперь, после всего, что произошло, он не был так уверен. Он прочистил горло. — Ты была очень терпелива со мной, Джинни. Терпеливее, чем я того заслуживаю. Я должен был поговорить с вами об этом раньше. Мне жаль.'

Она отмахнулась от его извинений. `Не будь глупым. У тебя были дела поважнее.

`Нет я не сделал. Я был эгоистом... Мне нужно было поговорить с тобой раньше, — повторил он, прежде чем вздохнуть. Он поймал себя на том, что смотрит на шахматную доску перед собой, задаваясь вопросом, почему он избегал этого разговора. Это потому, что у тебя есть более важные дела, идиот! — сказал голос в его голове. Он откинулся на спинку стула и провел пальцами по волосам, ему было трудно смотреть ей прямо в глаза. Все, о чем он мог думать в этот момент, была Гермиона, и он понял, что ее образ возник в его голове, как только Джинни произнесла слова «более важно». Ему пришло в голову, что проблемы Гермионы были важнее для него, и он поймал себя на том, что задается вопросом, что это значит. Его задумчивость прервалась, когда Джинни снова заговорила, словно издали.

— А что бы ты мне сказал? — тихо спросила она. — О чем бы мы говорили?

Гарри почувствовал, как оба вопроса поразили его, как удар, когда его вернули в реальность, и он обнаружил, что снова наклонился вперед, его руки опустились по бокам, когда он снова посмотрел на шахматные фигуры на столе перед ним. Он поймал себя на том, что обдумывает ее слова. Что, черт возьми, я ей сказал?

В тишине, затянувшейся между ними, он наконец осознал единственный честный ответ, который мог дать ей.

«Я не знаю». Наконец он посмотрел на нее и увидел, как ее глаза расширились от его слов.

`Вы не знаете?'

Он покачал головой. `Больше нет. Шесть месяцев назад — черт возьми, даже несколько недель назад — я был бы в состоянии ответить вам. Я бы сказал вам, что хотел бы, чтобы все было как в прошлом году; что я думал о тебе весь год; что я смотрел на Карту Мародеров, чтобы увидеть, смогу ли я найти тебя, чтобы убедиться, что ты в порядке. Когда он вспомнил это воспоминание, ему вдруг пришло в голову, что он сделал это только как предлог, чтобы не

видеть слезы Гермионы, когда она рыдала в своем углу палатки. Он закрыл глаза, стыдясь своих действий и осознавая, что Джинни не нужно знать об этом. Это также заставило его задуматься о мотивах своих поступков. Ход его мыслей был прерван, когда Джинни наконец ответила.

— Так что же изменилось, Гарри? — мягко спросила она. «Что изменилось за несколько недель, что заставило вас больше «не знать»?»

Он посмотрел прямо на нее, когда понял правду. — Все, — мягко ответил он. «Все изменилось, — он на мгновение закрыл глаза, прежде чем продолжить. — Это трудно объяснить. В прошлом году я осмелился мечтать. Несколько недель назад ко мне пришла мысль, что я не переживу этого. Я смирилась со смертью и смогла смириться с этим, пока брала с собой Волдеморта. Честно говоря, я думала, что не переживу этого. и я совсем забыл о своем будущем, о нашем будущем. Теперь, когда все кончено, теперь, когда будущее уже здесь, а я все еще его часть, я не знаю, чего хочу. Ты понимаешь это?»

Джинни серьезно кивнула. «Я думаю, что смогу, Гарри. Вам нужно больше времени? Я не против подождать, — добавила она с надеждой в голосе.

— Да, — резко ответил он. — Ты заслуживаешь большего, чем я могу тебе дать, Джинни. Гораздо больше. Нечестно с твоей стороны просить тебя ждать дольше, потому что я понятия не имею, смогу ли когда-нибудь дать тебе то, что ты хочешь. Я даже не знаю, чего хочу», — добавил он.

«Я все еще буду здесь, когда ты наконец узнаешь», — ответила она. «Я тоже посмел мечтать, и ты мой сон».

Он покачал головой при этих словах. «Не надо, Джинни. Боюсь, это все, что есть, — все, чем когда-либо будет; мечта. Я не хочу давать тебе ложную надежду. Я не хочу никаких недоразумений», — добавил он.

«Мы расстаемся?» — спросила она с дрожью в голосе.

Он посмотрел на нее пристальным взглядом. «Прости, Джинни. Так не должно было быть, — ответил он. — Я даже не уверен, есть ли нам что расстаться, — добавил он почти шепотом. Он не хотел показаться таким черствым, но понял, что только озвучил свои самые сокровенные мысли. Он спокойно наблюдал, как Джинни встала, сжав кулаки по бокам.

— Я так просто не сдамся, Гарри. Я все еще буду здесь, когда ты, наконец, одумаешься, — вызывающе добавила она. Она быстро отвернулась и поспешила к лестнице, явно направляясь в свою комнату.

Он взял белого ферзя с шахматной доски и глубоко вздохнул, размышляя над ним. Вот вам и

отсутствие недоразумений, сказал тихий голос в его голове. Он знал, что это все еще нужно решить, но вдруг почувствовал, что может проспять неделю. Словно все бремена, которые он нес в последнее время, вдруг потребовали свою цену и лишили его сил. Он опустил голову.

Он не знал, как долго просидел, рассматривая шахматную фигуру в своей руке, прежде чем голос наконец ворвался в его мысли.

‘Где Джинни?’

Он поднял взгляд и увидел озабоченное выражение лица Гермионы и растерянный взгляд Рона.

‘В ее комнате.’

«Почему?» — спросил Рон. «Мы уладили это, чтобы вы могли провести некоторое время вместе. Вы двое должны были... — он остановился, когда Гермиона сильно толкнула его под ребра.

— Что предполагается, Рон? Гарри откусил назад. ‘Предполагается, что целовать друг друга бессмысленно? Упасть в объятия друг друга и жить долго и счастливо?’ — отрезал он. «Так не всегда получается».

— Что случилось, Гарри? — мягко спросила Гермиона.

Гарри пожал плечами. «Мы расстались, наверное. Не думаю, что Джинни мне верит, но мы расстались.

«Почему?» — спросил Рон, и в его тоне был намек на гнев, а также чувство потери. Гарри посмотрел на него.

— Мы только что это сделали, Рон. Я не в настроении объясняться с тобой прямо сейчас. Я ухожу спать; Я изможден. Я поговорю с тобой завтра, — добавил он, резко вставая и толкаясь между двумя своими друзьями, когда он тоже отступил к лестнице.

Гермиона смотрела, как он уходит, и в ней росла печаль. Она повернулась к Рону и заметила, что он смотрит на удаляющуюся спину Гарри, его губы тонкие. Она могла сказать, что он был недоволен этим, но это действительно не их дело. Наконец Рон повернулся к ней лицом, выдавив из себя улыбку.

‘Они будут в порядке. Это была тяжелая неделя. Утром они разберутся.’

Гермиона улыбнулась, соглашаясь, но в глубине души она знала лучше.

<http://tl.rulate.ru/book/81726/2539870>